

АННА АХМАТОВА В ПЕРЕВОДАХ

УДК 821.161

«РЕКВИЕМ» АННЫ АХМАТОВОЙ И МАРИЕ УНДЕР
(К 50-ЛЕТИЮ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ИЗДАНИЯ ПОЭМЫ)¹

Никифорова Людмила Леонидовна,

*учитель русского языка и литературы,
МБОУ «Гимназия имени И. Сельвинского»
(Россия, Евпатория)
E-mail: nikiforovall@rambler.ru*

Статья исследует историю неизвестного в России издания поэмы Анны Ахматовой «Реквием». Поэму была переведена на эстонский язык Марие Ундер, издание осуществлено 50 лет тому назад в Нью-Йорке. Раскрывается уникальность этого издания и подчеркивается роль Г. П. Струве, Ю. Г. Оксмана, Алексиса Раннита в его подготовке. Исследовано соответствие перевода поэтической форме оригинала.

Ключевые слова: Анна Ахматова, поэма «Реквием», эстонская поэтесса-переводчица Марие Ундер, Г. П. Струве, Ю. Г. Оксман, Алексис Раннит, Лий Эхин, издание-биллингва.

Введение. 23–28 июня 2014 года Российская национальная библиотека и Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме собрали в Санкт-Петербурге на юбилейную международную конференцию «Анна Ахматова в пространстве мировой культуры» крупнейших знатоков творчества поэта и переводчиков её поэзии. Пожалуй, именно это юбилейное мероприятие стало самым ярким эпизодом среди прочих, посвящённых 125-летию со дня рождения А. А. Ахматовой.

© Л. Л. Никифорова, 2016

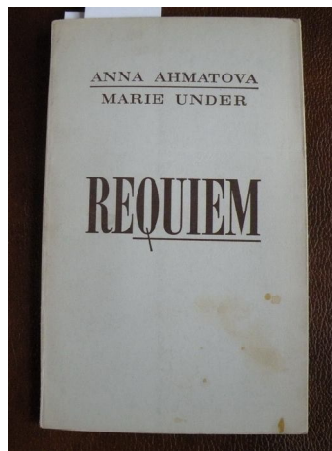
Общей темой, сформулированной на открытии конференции в Фонтанном Доме Романом Тименчиком и многообразно прозвучавшей в докладах специалистов, было победное шествие поэзии Ахматовой в пространстве мировой культуры и огромный интерес к ней на востоке. А в связи с этим, утверждал известный ахматовед, в разных странах возникла необходимость осмысления её творчества.

В. А. Черных, автор «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой», выделил первую проблему сложившейся ситуации – проблему адекватного перевода верлибром ахматовского стиха, созданного на основе силлабо-тонического стихосложения. Как можно это сделать на языках, «в которых силлабо-тоническая метрика невозможна в принципе, а рифмованные стихи давно вышли из моды, представляются широкому читателю чем-то устаревшим или несолидным, похожим на песенки?» – главный вопрос учёного [9, с. 4].

Барбара Лённkvист, профессор славянских языков Стокгольмского университета, переводчик, а также Марья-Леена Миккола, писатель и переводчик из Хельсинки, вели речь об угро-финских и шведских переводах ахматовской поэзии. К сожалению, никто на конференции не назвал в связи с этим имя выдающейся эстонской поэтессы Марие Ундер, эмигрировавшей в 1944 году из Эстонии в Швецию, где она и прожила до конца своей жизни. Эстонцы вообще не присутствовали в близком Петербурге на юбилейных ахматовских мероприятиях. А ведь им было бы что сказать.

Восполним лакуну в истории ахматовских переводов настоящей статьёй, тем более, что она может стать продолжением нашей публикации «Анна Ахматова в Эстонии» [4].

Цель данной работы – дать читателю представление об уникальном двуязычном издании поэмы Анны Ахматовой «Реквием» в переводе на эстонский язык, который сделала Марие Ундер (1967 год, Нью-Йорк). Издание практически неизвестно в России и, как показало исследование, в Эстонии тоже. Его нет даже в Эстонском Архиве истории культуры при Литературном музее в Тарту, куда в 1996 году из Швеции был возвращён архив поэтессы. Актуальность исследования состоит в определении адекватности перевода ахматовской поэмы. Новизна – в обнаружении этого перевода

Основная часть. Среди выдающихся переводчиков Анны Ахматовой с полным основанием следует назвать уникальную эстонскую поэтессу Марие Ундер (1883–1980).

В современной Эстонии, возможно, нет ни одного образованного человека, которому не было бы известно её имя. Ундер более 30 раз была номинирована на Нобелевскую премию по литературе: в первый раз, когда ей было 62 года, а в последний – после её девяностолетия, в 1974 году. Она была членом Международного ПЕН-клуба и ряда союзов писателей Европы.

Марие Ундер и Алексис Раннит в Стокгольме. 1959 г.

Для эстонцев, любящих творчество Ундер, она – «национальная весна поэзии», «принцесса сказочной птицы SIURU»: в писательскую группу с таким названием Марие Ундер буквально ворвалась в 1917 году со своим первым поэтическим сборником «Sonetid». Считается, что после этого сборника эстонская литература стала другой. Марие – «символ начала XX века», «легендарная», «эксцентричная», «в поэзии совершенная», «гений стихосложения». А ещё «эстонский Гёте» и «эстонская Ахматова»! Последние сборники стихов Ундер, в которых поэтесса вернулась к классической ясности и простоте, знатоки считают шедеврами мировой лирики. Ей принадлежат переводы на эстонский

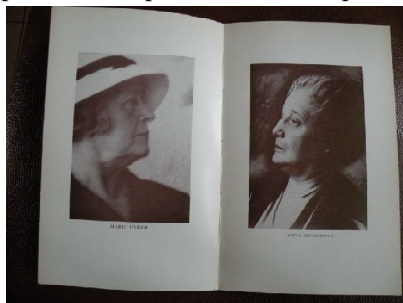
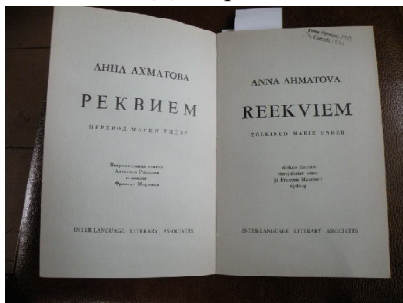
язык стихов Михаила Лермонтова, Бориса Пастернака, Игоря Северянина и других [14, лк. 52].

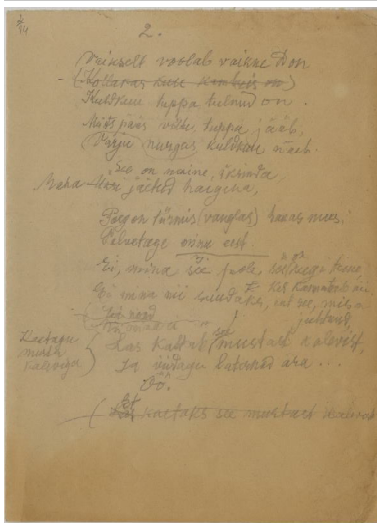
Поэму Анны Ахматовой «Реквием» Марие Ундер перевела за две летних недели 1964 года. В конце 1967 года её перевод с параллельным оригинальным текстом на русском языке был издан в Нью-Йорке фондом Inter-Language Literary Associates, которым руководил профессор Калифорнийского университета Г. П. Струве. Как подчёркивают эстонцы, он потомок тартуского астронома Струве. Известно, что целью фонда была публикация произведений, которые в СССР либо полностью запрещались, либо из цензурных соображений печатались в сокращённом виде [3, с. 524].

Вступительную статью к этому изданию написал эстонский поэт и эссеист Алексис Раннит (Алексей Долгошев, 1914–1985). В качестве послесловия издательство перепечатало очерк нобелевского лауреата Франсуа Мориака из французской газеты «Figaro Littéraire» от 15 мая 1966 года «Анна Ахматова, я думаю о Вас» на французском языке. Книга оформлена фотографиями Ахматовой и Ундер из архива Раннита, художник-оформитель издания – С. Л. Голлербах (S. L. Gollerbah).

Очевидно, идея такого издания появилась и начала формироваться у эстонской стороны в начале 1960-х годов, в период «оттепели», хотя знакомство Раннита с Ундер началось ещё в 1947 году [3, с. 415].

Можно утверждать, что Алексис Раннит как литературовед сыграл значительную роль в творческой судьбе Марие: ему принадлежат обзор творчества Ундер и предисловия к сборникам её стихов, аналитическая статья «Пути развития поэзии Марие Ундер» и юбилейные эссе. К её 80-летию Раннит организовал в главном зале Уэльского университета выставку, посвящённую месту Ундер в эстонской поэзии [3, с. 510], а также инициировал к этому юбилею выход сборника «На окраинах» [3, с. 531]. Вместе с ней он участвовал в конгрессе ПЕН-клуба, а также в конференциях эмигрантских ПЕН-клубов в Стокгольме [3, с. 502, 507]. Благодаря Ранниту в доме Ундер и её мужа Артура Адсона появились «Доктор Живаго» Пастернака и сборник стихов Марины

Автограф М. Ундер,
глава 2 поэмы «Реквием»

Цветаевой [3, с. 501, 506]. За перевод цветаевской лирики Марие не взялась, а вот ахматовский «Реквием» оказался ей близок. У Ахматовой и Ундер, действительно, много общего: и блистательное начало на поприще любовной лирики, и направленность саморазвития к общечеловеческой и социальной тематике, и прижизненная мифологизация соотечественниками.

Выскажем предположение, что и текст «Реквиема» был предложен для перевода Раннитом, хотя капитальный труд доктора сравнительного литературоведения Сирье Кийн «Ундер. Жизнь и поэзия. Биография» не подтверждает нашу догадку.

Тщательно исследованная хронология «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» свидетельствует о знакомстве русского поэта с эстонским литератором. Петербург был центром не только русской культуры, но, как известно, и культуры большой эстонской общины.

Согласно эстонским источникам, уроженец Тартуского округа Алексис Раннит ещё ребёнком с родителями в 1921 году вернулся в Эстонию из Петербурга и проживал в Прибалтике до эмиграции в Европу в 1944 году. Высшее образование он начал получать в Тартуском университете, учился в Каунасском и Вильнюсском университетах, изучая искусствоведение, эстетику, русскую литературу. Закончил Колумбийский университет с ученой степенью магистра, проживая с 1953 года в США [15, лк. 446]. В Таллинне в 1938 году и в Стокгольме в 1940-ом вышли два сборника его стихов в переводе Игоря Северянина («На оконном переплёте», «Via dolorosa»). По данным цитируемого «Лексикона о литераторах», Раннит изучал творчество А. Ахматовой и публиковал свои литературоведческие исследования о ней [15, лк. 447]. Возможно, именно эти исследования зафиксированы в «Летописи» и были они связаны со сбором материала для статьи Раннита, написанной к июню 1965 года для вышеназванного американского издания «Реквиема» и дополненным, в связи со смертью Ахматовой, постскриптомом от 8 мая 1967 года [12, с. 36].

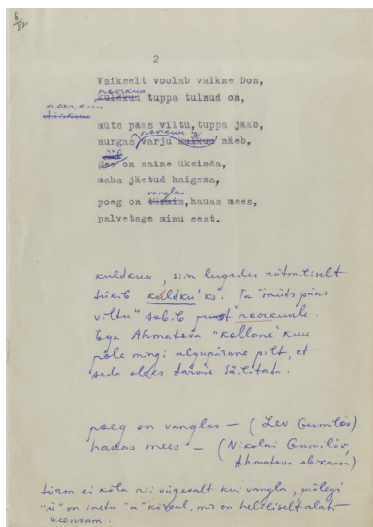
Его имя впервые встречается в «Летописи» 18 февраля 1962 года и касается благодарственного ответа Анны Андреевны Ранниту «за стихи

... и милое письмо». Ахматова писала об «интересной и нужной» работе Раннита и о некоторой её обеспокоенности «биографической частью». Ахматова предупреждала Раннита о необходимости осторожного обращения с фактами [7, с. 575]. Понятно: она-то знала, о чём предупреждает, поскольку как раз в это время до неё стали доходить не всегда правдивые воспоминания русских эмигрантов о некоторых событиях и обстоятельствах её молодости [8, с. 6].

В мае 1962 года Раннит получил от Ахматовой перечень её произведений, напечатанных в разных изданиях после 1961 года, и её ответы на предложенные им вопросы [7, с. 580]. По-видимому, их отношения после обмена стихами продолжались и вполне удовлетворяли Анну Андреевну. Она отвечает на очередные вопросы Раннита, «сообщает о своих предпочтениях в живописи, архитектуре и музыке» [7, с. 601], а также передаёт ему «несколько фрагментов» из своей автобиографии [7, с. 599].

Ни Ахматова, ни Ундер, пишет Раннит во вступлении к изданию «Реквиема», «не могут быть ограничены рамками какой бы то ни было одной стилистической школы» [12, с.33]. Но к концу тридцатых годов обе они «начинают писать стихи на резко актуальные темы» и становятся «весьма близкими друг другу» [12, с. 34, 35]. Раннит сравнивает содержание и значение «Реквиема» Ахматовой с книгой Ундер «Скорбными устами»: оба поэта воплотили в стихах трагические судьбы своих народов, и не случайно оба произведения на родине были запрещены по политическим причинам [3, с. 524–525].

Это же отметил и Франсуа Мориак в некрологе «Анна Ахматова, я думаю о Вас». Взволнованное и трогательное обращение к русскому поэту после её смерти, многократное проговаривание строчки Бодлера «я думаю о вас» — это яркое выражение пережитого Мориаком потрясения. Потрясения от того, что хрупкая женщина взяла на себя, как пишет автор, бесконечные муки своего народа, разделила судьбу тысяч и тысяч сосланных и замученных. В «Реквиеме» страдания этой русской женщины, этой русской матери прослеживаются через непостижимое слово, — утверждает Мориак [12, с. 73].

Глава 2 поэмы,
редактирование М. Ундер

Как видим, присутствие в поэме Ахматовой трагедийного эпического начала стало и для Раннита, и для Ундер, и для Мориака не только фактом содержания текста, но и выразительной формулой включения биографии автора в историю народа. Отсюда величие и значимость для них творения словом. И подвига автора.

Но всё же совместный замечательный труд Струве, Раннита и Ундер по изданию ахматовской поэмы вторичен. Публикация этого текста «Реквиема» в 1967 году осуществлена, как известно, на основе мюнхенского издания 1963 года, подготовленного по машинописи, переданной на Запад Юлианом Оксманом [5, с. 204].

В том, что правнук тартуского астронома Василия Яковлевича Струве (1793–1864), Глеб Петрович Струве (1898–1985), русский поэт, литературный критик и литературовед, взялся за издание уникальной книги, нет ничего удивительного. Его отец П. Б. Струве (1870–1944), будучи редактором-издателем журнала «Русская мысль», в июльском номере за 1915 год опубликовал статью Н. В. Недоброво «Анна Ахматова» – лучшую статью о её творчестве.

Другой правнук тартуского астронома академик востоковед Василий Васильевич Струве (1889–1965) в декабре 1954 года вместе с Ильёй Эренбургом лично ходатайствовал перед Н. С. Хрущёвым за сына Ахматовой [7, с. 476–477].

Если вернуться к Глебу Петровичу Струве, то отношения с ним у Анны Андреевны складывались непросто. В 1913–1914 годы юный Глеб был в курсе и круга общения Ахматовой, и её отношений с Н. В. Недоброво (1882–1919) и Б. В. Анрепом (1883–1969) [7, с. 86, 99]. Через полвека, через целую эпоху даже для истории государства, их разделяло катастрофическое непонимание, в первую очередь, личных судеб Ахматовой и Гумилёва.

Осенью 1962 года в руках Анны Андреевны оказался первый том американского издания произведений Гумилёва со вступительной статьёй Глеба Струве, которую Ахматова «пристрастно изучала» [7, с. 586]. И прочитанное вызывало её гнев! [7, с. 588] Потому что «всё неверно...», – отрежет она Ю. Г. Оксману о написанном Глебом Струве во вступлении [7, с. 595]. В январе 1963 года Анна Андреевна диктовала Н. Н. Глен «конспективный ответ» на это злосчастное предисловие [7, с. 599]. Под напряжением этой идеи Ахматова жила до осени. 22 октября 1963 года она диктовала уже Л. К. Чуковской «подробное, обстоятельное опровержение статей Маковского и Струве. С цитатами, датами, доказательствами, ссылками, разъяснениями» [7, с. 619]. Так что целый год дух несогласия с русскими эмигрантами в их трактовках судеб Ахматовой и Гумилёва владел ею, и это только заметно расширяло список персоналий: «Струве не один: они все там Бог знает,

что пишут – С. Маковский, И. Одоевцева», Г. Адамович, Г. Иванов [7, с. 606]. И позже, обдумывая издание поэмы «Реквием» на Западе, она сохраняла недоверие: «Я не книги боюсь. Боюсь, что они там напишут по её поводу. Вот что страшно» [5, с. 204].

Книга Г. П. Струве «Русская литература в изгнании», однако, была ею оценена очень высоко [7, с. 596].

В эту же осень 1962 года через Ю. Г. Оксмана Глеб Струве узнал, что Ахматова работает над воспоминаниями о Мандельштаме и что, по мнению Оксмана, «ничего более значительного во всех отношениях о Мандельштаме никто никогда не писал» [7, с. 594]. Эти ахматовские воспоминания о Мандельштаме очень заинтересовали Струве.

Исследованные литературоведом В. Виленкиным хранящиеся в фондах Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и ЦГАЛИ рукописи воспоминаний Ахматовой о Мандельштаме позволили ему так датировать время работы автора над текстом воспоминаний: «июль 1957–1964 годы» [2, с. 398]. Так что 1962 год – это завершающая фаза её пятилетней работы над воспоминаниями о друге.

Вообще осень 1962 года была ещё и очень напряжённым периодом составления новой и лучшей книги стихов Ахматовой «Бег времени». В неё предполагалось включить и поэму «Реквием». Но это намерение не осуществилось. Правда, уже с середины декабря 1962 года началось распространение списков «Реквиема». Поэму слышали в авторском исполнении, её читали друзья автора, поэты-современники, работники издательства, редакций. От тех, кто слышал авторское чтение «цикла», впервые в конце 1962 года узнал о нем и Г. Струве [5, с. 621].

Но для издания своего произведения с самой сложной судьбой Анна Андреевна проявила разумную предусмотрительность. Она понимала безусловную необходимость продемонстрировать официальной власти легальность нового текста, который уже пошёл по рукам. И для этого, полагала она, произведение следует послать в какой-нибудь официальный советский журнал. Так и сделала: предложила «Новому миру». Естественно, не напечатали. Цензура не пропустила, зато сотрудники скопировали. Вскоре после этого «Реквием» вышел в Западной Германии [7, с. 596]. И ничего удивительного в этом не было: интерес к личности и творчеству А. Ахматовой был уже очень высок. Замечательно здесь то, что удалось издать «Реквием» при жизни поэта. Ведь на её родине это произошло только через четверть века!

О роли уважаемого литературоведа, историка и пушкиниста Юлиана Григорьевича Оксмана в этом событии следует сказать отдельно. После возвращения из 10-летней ссылки на Колыме он стал искать связи с западными славистами, с русскими эмигрантами. Так он су-

мел завязать и отношения с профессором русской литературы Калифорнийского университета в Беркли русским эмигрантом Г. П. Струве. По образовавшемуся каналу на Запад попали и были изданы, как уже сказано, тексты Гумилёва, позже Мандельштама. И вот «под защитой дипломатической неприкосновенности» – через почту посольства США в Москве – Оксман в 1963 году передал напрямую Струве машинописный экземпляр ахматовского «Реквиема» [5, с. 204]. Именно этот текст, полученный от Ю. Г. Оксмана, издатели использовали в Нью-Йорке в 1967 году [7, с. 609]. Это была по-настоящему детективная история, правда, с печальным для Юлиана Григорьевича исходом.

Ценно замечание М. О. Чудаковой о мотиве этого бесстрашного поступка Оксмана, вообще его сношений со «второй Россией» и связями с западной частью русской культуры, разделённой эмиграцией. Без преувеличения можно утверждать, что, опережая время, учёный и гражданин гуманист Ю. Г. Оксман тем самым убедительно продемонстрировал, как беспрецедентно разделена единая национальная русская литература. Вот за этот диалог с Западом и конкретно за то, что «воздушным путём доставлена» в США поэма «Реквием», Оксман был уволен из Института мировой литературы, его имя было «выведено из печати» [11, с. 367, 368].

В одном из писем Г. П. Струве признавался, что, получив «Реквием» из Москвы, долго колебался, можно ли его печатать, зная, что Ахматова была против. Первый, кому Струве прочитал текст, был Д. И. Кленовский. Вот его свидетельство.

«...Через железный занавес проник цикл стихов Ахматовой «Реквием», написанный во время ежовщины и отражающий переживания А. во время ареста и заключения ее сына от Гумилева. В эмигрантских литературных кругах долго судили и гадали, можно ли издать эти стихи без ущерба для автора, и вот на днях тоненькая книжечка (26 страниц + портрет автора) вышла из печати в издании мюнхенского “Товарищества зарубежных писателей”. При этом до сведения читателей довели, что книга «издана без ведома автора», но вместе с тем она открывается авторским предисловием! Одно как-то не вяжется с другим! Книга появится вскоре на американском книжном рынке... Мне удалось прочесть этот цикл уже месяца четыре тому назад, и он произвел на меня очень сильное впечатление» [6, с. 212].

А вот Артур Лурье не поверил, что Ахматова – автор полученного от Оксмана текста. «Подделка», – посчитал он. Издателю Б. Филиппову книга показалась интересной, но пестровой и неровной. А кто-то даже усмотрел высокомерие Ахматовой по отношению к тем, кто покинул родину, а не остался там, как она, в России. Это зафиксировал Г. Струве [5, с. 621–622].

Как отмечал на конференции «Анна Ахматова в пространстве мировой культуры» В. А. Черных, большинство сборников переводных произведений А. Ахматовой, выходящих в Европе, являются двуязычными [9, с. 6]. Нью-йоркское издание поэмы «Реквием» в переводе, сделанном Марие Ундер на эстонском языке, подготовлено именно в таком формате. Левая страница этой изящной книги – эстонская, правая – русская. Титул, фото обеих поэтесс, текст и его перевод расположены по такому же принципу.

Автор данной статьи держала в руках описанную книгу в доме Эхин, известных эстонских литераторов из Рапла, что возле Таллинна. Глава семейства – известный эстонский поэт и переводчик, выученик Тартуской филологической школы Андрес Эхин (1940–2011), был из плеяды эстонских литераторов-шестидесятников. В «Русском портале» хорошо известная русским в Эстонии Елена Слуцкая назвала Андреса «самым остроумным эстонским поэтом. Наверное, поэтому А. Эхину была близка неоромантика Николая Гумилёва: «Жираф» и «Лес» русского поэта в переводе Андреса Эхина известны эстонцам. В доме Эхинов, нужно сказать, все поэты: вдова Лий Эхин (псевдоним Сеппель), а также их дочери, известные в Эстонии Кристийна и Пирет Эхин.

Во времена СССР Лий Эхин получила специальность переводчика. Она, выпускница Тартуского университета, по специальной программе была направлена в Баку, в Азербайджанский университет, для изучения тюркских языков, а позже получила возможность совершенствования знания турецкого языка ещё и на восточном факультете в МГУ. Уже на четвертом курсе Эхин оказалась востребована родной Эстонией как переводчица. Считается, что эстонская переводческая школа – одна из наиболее старых и известных в Европе. Научная школа перевода здесь усвоила традиционный немецкий подход: перевод должен быть прямым – с одного языка, без посредничества другого, на свой язык.

Книгу, раритетное американское издание «Реквиема» Анны Ахматовой в переводе Марии Ундэр, Лий Эхин приобрела для семейной библиотеки в США у эстонца-эмигранта. Эту же книгу она видела ещё один раз в Таллинне в антикварном магазине.

Значение того, что совершила Ундер, переведя поэму Ахматовой, поэтессе и переводчице Лий Эхин понятно. Понятно и то, почему Марие взялась за эту работу.

Для очень многих эстонцев стихотворение Ундер „Jõuluterivitus” («Рождественское приветствие») является самым сильным, потрясающим душу стихотворением этого автора. Оно написано после депортации сталинским режимом летом 1941 года тысяч ни в чём не повинных эстонцев с семьями в Сибирь. Там, в “Jõuluterivitus”, – и гнев и грусть, та самая, что и в “Реквиеме” у А. Ахматовой. Зная это, нетрудно по-

нять, почему Ундер взялась за перевод... Это стихотворение М. Ундер мы до сих пор не можем читать без слез сочувствия, обиды и гнева... Так же, как нельзя читать без этих чувств и “Реквиема”, – утверждает Лий Эхин.

К сожалению, Анна Андреевна не смогла увидеть нью-йоркское издание поэмы. Но нужно отметить, что русско-эстонский «Реквием» был принят чрезвычайно тепло. «Из всех переводов Ундер этот привлек наибольшее международное внимание: всего было опубликовано около десяти восторженных рецензий как в эстонской, так и в русской эмигрантской печати», – утверждается в монографии Сирье Кийн «Ундер. Жизнь и поэзия. Биография». Так, иллюстрирует С. Кийн, Карл Ристикиви, вдохновленный переводом «Реквиема», написал прекрасное литературно-художественное эссе «Лаокоон нашего времени», опубликованное в журнале «Тули – мулд». А Малль Юрма писала: «Читая «Реквием», мы ощущаем в переводе Марие Ундер особенную душевную близость поэзии Ахматовой к Ундер, которая дала мастерский перевод «Реквиема», настолько точно донесла до нас эти стихи, словно они исходят из души и сердца эстонцев»

По мнению Тамары Петровской, владевшей одинаково хорошо и русским языком и эстонским, рецензировавшей в 1968 году в русской эмигрантской периодике и перевод Ундер «Реквиема» Анны Ахматовой, «перевод сделан великолепно. Такие переводы редкость. Ундер дает абсолютно точное соответствие. Автор и переводчик идут рука об руку, в переложении не добавлено и не опущено ни слова. Это прекрасные стихи. Особенно хорошо переведено: «Тихо льется тихий Дон» [17, lk. 163].

Согласна с такой оценкой перевода, осуществлённого Ундер, и современная эстонская поэтесса Лий Эхин. Лий сделала для нас дословный перевод II главки поэмы «Реквием» и оценила качество работы Марие Ундер:

*Тихо льётся тихий Дон,
Жёлтый месяц входит в дом.*

*Входит в шапке набекрень.
Видит жёлтый месяц тень.*

*Эта женщина больна,
Эта женщина одна.*

*Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне*

[с. 198].

По Эстонскому подстрочнику это выглядит у М. Ундер так:

*Vaikselt voolab vaikne Don,
Kuldkuu tuppä tulnud on.*

*Тихо льется тихий Дон,
Золотой месяц вошел в дом.*

Müts pääs viltu, tuppä jääb,

*Шапка (у него) на голове
набекрень,*

Nurgas varju kuldkuu näeb.

*Видит золотой месяц тень
на углу.*

See on naine üksinda,

*Эта женщина одна
(с оттенком: в одиночестве),
Оставлена (там) больной
(или: больная),*

Maha jäetud haigena,

*Poeg on vanglas, hauas mees,
Palvetage minu eest*

*Сын в тюрьме, в могиле муж,
Помолитесь обо мне.*

[12, лк. 45].

Лий Эхин утверждает, что перевод Марие Ундер почти дословный. Переводчица использовала трохей, то есть античную трёхдольную стопу, и точное количество слогов. Нет ничего лишнего. Все точно и лаконично, как и в оригинале. Ундер смогла передать звучание поэтической речи Ахматовой. И добавляет: кроме того, Ундер смогла передать глубину страдания поэтессы и гнев в адрес сталинского режима.

Эхин к тому же подтверждает мысль В. А. Черных, что двуязычные сборники предполагают у читателя хорошее знание языка оригинального текста. Это очевидно. Но прежде всего, на наш взгляд, это предполагает и высокий уровень владения языком переводимого текста у переводчика.

Из биографических сведений об М. Ундер можно узнать, что в 1902–1906 годах она со своей семьёй жила в Москве и Подмосковье. Даже пела в хоре Эстонского Общества в нынешней столице России. Здесь родились её дочери. Своё очень известное в Эстонии стихотворение «Песнь матери», окрашенное пронзительным чувством материнства, Марие написала в Москве [14, лк. 52]. Русский язык эстонская поэтесса знала по-настоящему. Да и вообще писатели поколения Ундер, по мнению Эхин, хорошо владели русским языком, знали и любили русскую литературу. Некоторые эстонские поэты старого поколения (Ундер, Семпер, Санг, Алвер) умели и умеют переводить ритмически упорядоченные и рифмованные стихи. Из более молодого поколения это уже мало кому удается.

– И всё же, как характеризовать перевод «Реквиема», сделанный Ундер? – спрашивает Лий Эхин. – Вообще эстонский язык богат, пластичен, лаконичен. В переводе поэмы язык плывет естественно, никуда не “тянется” ради рифмы, ритма или ради точности. Почерк мастера здесь сразу чувствуется. Талант и эрудиция подкреплены трудолюбием переводчика.

Наше знакомство с архивным делом № 180 из фонда Ундер в Архиве истории культуры при Литературном музее Эстонии обнаружило 7 вариантов перевода «Реквиема» – один рукописный и шесть напечатанных на машинке [16]. Они выявляют многообразное редактирование, упорные поиски адекватной оригиналу формы. Особенно выделяется в этом смысле вариант № 6, обильно правленный и карандашом, и красными, и синими чернилами. И справа и слева от текста, например, в главке 2 «*Тихо льётся тихий Дон*» есть ещё и биографический комментарий о Гумилёвых – сыне и муже Ахматовой. Видно, что Ундер стояла перед выбором слова в синонимической паре: **vanglas** и **türmis** со значением «**тюрьма**» и остановилась на эстонском этимологическом варианте.

Выводы. Многие ли знают сегодня в Эстонии о прекрасной работе их соотечественницы Марие Ундер по продвижению русского слова Анны Ахматовой? Очевидно, нет. Лий Эхин признаёт:

– Да, многие эстонцы, даже специалисты, могут и не знать «Реквием» Ахматовой в переводе дорогой им Ундер. Могут не знать и её роли в осуществлении нью-йоркского издания.

От себя скажем: нужно знать, в том числе и русским читателям творчества Ахматовой. А также знать, кто такая Марие Ундер, если соглашаться с выводом Санкт-Петербургской конференции о победном шествии поэта Серебряного века в пространстве мировой культуры.

Проект издания поэмы объединил талантливых людей разных стран.

А. А. Ахматова могла бы быть довольна, если бы застала эту книгу, любовно изданную в Нью-Йорке людьми, питавшими к её творчеству глубокое уважение. И особенно тем, что перевод поэмы «Реквием» на эстонский язык сделан с сохранением ритма и рифмы, что это не белый стих и не верлибр. Попытки перевода её произведений таким метрическим стихом, как известно, вызывали неприятие Ахматовой. Занимательно, что модернистский прыжок европейской поэзии начала XX века в направлении свободного стиха, в том числе верлибра, стал для Марие Ундер, классика рифмованной лирики, как считают эстонские специалисты, одной из преград в получении Нобелевской литературной премии. Но в случае с ахматовским «Реквиемом» – является сильной стороной её конгениального перевода русского силлабо-тонического стиха на эстонский язык.

Примечания

1. Автор благодарит за информативную поддержку и советы Лий Эхин, Хельдин Аллик, Марину Тервонен, Игоря Котюха (Эстония), Кирилла Финкельштейна (Бостон, США), Екатерину Нестерову (Крым, Евпатория).

Список использованных источников

1. Ахматова А. А. Реквием / Анна Ахматова // Собрание сочинений. В 2 т. – М.: Правда, 1990. Т. 1. – С. 196–203.

2. Ахматова А. Листки из дневника [о Мандельштаме] // Серебряный век. Мемуары. (Сборник) / Сост. Т. Дубинская-Джалилова. – М.: Известия, 1990. – С. 396–430.

3. Кийн С. Марие Ундер: жизнь и поэзия. Биография / Сирье Кийн. Изд-во Тартуского Университета, 2015. – 656 с.

4. Никифорова Л. Л. Анна Ахматова и Эстония / Л. Л. Никифорова // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / Сост. и науч. ред. Г. И. Темненко. – Вып. 12. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – С. 12–32.

5. Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы / Роман Тименчик. – М.: Водолей Publishers; Toronto: The University of Toronto (Toronto Slavic Library. Vol. 2), 2005. – 784 с.

6. Финкельштейн К. И. Письма Д. И. Кленовского к А. А. Оцуп 1959-1974 гг. // Russischsprachige Schriftsteller in der heutigen Welt (Русскоязычные писатели в современном мире) / Под научн. ред. проф. М. Полехиной. – ВЕНА, 2014. – С. 209–215.

7. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. / В. А. Черных – 2-е изд., доп., испр. – М.: Индрик, 2008. – 768 с.

8. Черных В. А. Мифоборчество и мифотворчество Анны Ахматовой / В. А. Черных // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. – Вып. 3. – Симферополь: Крымский Архив, 2005. – С. 3–22.

9. Черных В. А. Анна Ахматова в Италии и Франции сегодня / В. А. Черных // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / Сост. и науч. ред. Г. И. Темненко. – Вып. 12. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – С. 3–11, ил.

10. Чудакова М. О. По поводу воспоминаний Л. Фойера и Р. Фойер-Миллер / М. О. Чудакова // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. – С. 366–374.

11. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой / Лидия Чуковская в 3 т. Т. 2 1952 – 1962. – испр. и доп. изд. – СПб: Журнал «Нева»; Харьков: Фолио, 1996. – 656 с.

12. Anna Ahmatova. Marie Under. Requiem. Inter-Language Literary Associates / Printed in the U.S.A. by Waldon Press, Inc. 150 Lafayette St., New York. N. Y. 10013, 1967. – 77 p.

13. Eesti Entsüklopeedia: в 15 т. – Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1995. – Т. 8. – 104 lk.

14. Eesti Entsüklopeedia: в 15 т. – Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1998. – Т. 10. – 672 lk.

15. Eesti kirjarahva leksikon. Estnishes Schriftstellerlexikon, / Сост. и ред. Oskar Kruus. – Tallinn: Eesti Raamat, 1995. – 694 lk.

16. Eesti Kultuurilooline Arhiiv (EKLA) Eesti Kirjandusmuuseum, Fond 180, M 175: 1.

17. Marie Underi eluraamat, koostanud Artur Adson: I–II. – Stockholm: Vaba Eesti, 1974.– II, 226 lk. (с. 163)

«REQUIEM» OF ANNA AKHMATOVA AND MARIE UNDER
(TO THE 50TH ANNIVERSARY OF THE NEW YORK
EDITION OF THE POEM)

Nikiforova Lyudmila Leonidovna,

teacher of Russian language and literature,

The I. Selvinsky Gymnasium

(Russia, Evpatoria)

E-mail: nikiforovall@rambler.ru

This article explores the history of the Anna Akhmatova's poem «Requiem», which is unknown in the Russian edition. Poem translated into Estonian, Implemented 50 years ago in New York, reveals its uniqueness. We consider the translation of the poem form, made by an outstanding Estonian poet Marie Under; the role of G.P. Struve, Y.G. Oxman, Alexis Rannita in the history of this Bilingual edition.

Keywords: *Anna Akhmatova, the poem «Requiem», Estonian poet-translator of Marie Under, G.P. Struve, Y.G. Oxman, Alexis Rannit, Lii Ehin.*